

СОЗДАНИЕ СВОДНОГО ВАРИАНТА ЭПОСА «ГЭСЭР» В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

М.Н. Балдано

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

histmar@mail.ru

Статья посвящена истории создания сводного варианта бурятского героического эпоса «Гэсэр», ставшего инструментом национальной консолидации и конструирования единой общей традиции.

Ключевые слова: бурятский эпос «Гэсэр», нациестроительство, конструирование, культура, национализм, национальная политика.

Бурятский героический эпос «Гэсэр» – вершина многогранного устного творчества бурятского народа и выдающийся памятник эпической поэзии мирового масштаба. Он является уникальным произведением устного народного творчества, выражением нравственных и эстетических идеалов бурятского общества, своего рода энциклопедией народного бытия. Буряты всегда любили свой эпос, именами героев называли детей, устраивали спортивные игры в честь славных баторов, поклонялись заповедным местам, связанным с легендами о Гэсэре. И сегодня современные бурятские художники, писатели, композиторы в поэмах, картинах, в музыкальных произведениях обращаются к образам своего великого эпоса. Вполне закономерно, что это героическое сказание, бытующее практически на всей территории Байкальского региона в течение столетий, оказало мощное влияние на менталитет бурятского народа, формирование его национального самосознания.

В начале XX в. к эпосу «Гэсэр» обратились сразу несколько бурятских ученых –

М. Хангалов, Ц. Жамцарано, Б. Барадин и др., начав записывать различные его варианты. После Октябрьской революции начавшееся научно-литературное освоение народного творчества было приостановлено. Вместе с тем с победой большевиков начался грандиозный эксперимент по созданию «новых» национальных культур и идентичностей, новых в том смысле, что все они конструировались в контексте социалистической идеологии. Возглавляла процесс конструирования правящая партия, руководство которой как в центре, так и на местах, определяло основные параметры и критерии нациестроительства. По словам И. Сталина, большевики предпринимали действия, направленные на «максимальное развитие национальной культуры, с тем, чтобы она исчерпала себя до конца, а затем была создана база для организации международной социалистической культуры»¹.

¹ Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. – Л.: Госполитиздат, 1939. – С. 211.

Э. Хобсбаум, вслед за Э. Гелнером, подчеркивал ту роль, которую играют в процессе формирования наций искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия: «Нации как естественные, Богом установленные способы классификации людей, как некая исконная... политическая судьба – это миф; национализм, который превращает предшествующие культуры в нации, иногда сам изобретает подобные культуры, а порой полностью стирает следы прежних культур – это реальность»².

В официальном советском дискурсе национально-культурного и национально-государственного строительства активно конструировалась новая, «национальная по форме, социалистическая по содержанию» культура. И надо сказать, что интересы национальной элиты иногда совпадали с решениями власти, а иногда круто расходились. Так произошло и с эпосом «Гэсэр».

В 1940 г. была проведена Декада бурят-монгольского искусства в Москве. В том же году Правительство СССР приняло решение о подготовке сводного поэтического варианта героического эпоса «Гэсэр». В статьях секретарей Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) С. Игнатьева и А. Хахалова, опубликованных в центральной и местной печати, особо подчеркивалось значение самобытного эпоса бурятского народа в духовной культуре прошлого и настоящего.

Составление сводного варианта эпоса было, по существу, частью проекта нацестроительства. По словам гэсэроведа Б. Дугарова, «необходимость создания сводного варианта эпоса «Гэсэр» на литературном бурятском языке наряду с научными изысканиями и академическими публикация-

ми наиболее самобытных сказительских версий Гэсэриады была понята как самими учеными-исследователями эпоса, так и представителями писательского цеха в силу особой значимости данного улигера как национального достояния номер один. Такая насущная задача была обусловлена самой идеологией становления и развития национальной литературы и бурятского литературного языка как двуединого словесно-художественного процесса, в котором героический эпос «Гэсэр», испокон веков существовавший на различных диалектах и говорах бурят-монгольского языка и широко известный бурятам, живущим по обе стороны Байкала, был призван соединить великую многовековую устную традицию эпического слова с общепринятым литературным языком бурят двадцатого века»³.

Заказ советской власти на создание письменной версии эпоса (наряду с калмыцким «Джангаром», каракалпакским «Кырккызом» и др.) совпал с устремлениями модернизирующейся бурятской элиты, обладавшей письменным национальным языком (литературным и административным, созданным на основе хоринского диалекта), образцами современной литературы и искусства. Говоря о языке, позволю себе вновь обратиться к Э. Хобсбауму, который пишет: «общий язык... не возникает «сам собою», но создается искусственно, а в особенности после того, как он становится языком печатной литературы, приобретает повышенную устойчивость и начинает казаться более «неизменным», а значит (вследствие своеобразного обмана зрения), и более «вечным», чем он был на самом деле»⁴.

³ Дугаров Б.С. Бурятская Гэсэриада – песнь во времени и пространстве. Вступ. статья к «Абай Гэсэр Богдо хан». – Агинское, 2007. – С. 7–8.

⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм... – С. 84.

Что касается эпоса, то была поставлена задача не просто собрать и систематизировать различные устные версии, но создать письменный, литературный, канонический текст. Единый для всех бурят. Фактически – инструмент национальной консолидации, создания (конструирования) единой общей традиции. Кроме того, канонический письменный текст – это также свидетельство древности и силы культуры как основы нации. Поэтому решалась задача не только и не столько культурная. Выстраивался фундамент нации, версия общей древней и великой истории и культуры. Без апелляции к этому трудно, а то и невозможно выстроить новую этническую общность из партикуляристской племенной стихии. Переход от традиционных устных сказаний к письменному литературному тексту – это и символ современности, современного типа общества.

В организации работы по сбору и изучению бытовавших версий эпоса «Гэсэр» приняли активное участие директор Института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ) Г. Бельгаев, его заместитель Б. Санжиев, ученый секретарь Н. Зутеев, сотрудники Д. Хилтухин, С. Балдаев, И. Мадасон, А. Уланов, писатели М. Шулукин, Х. Намсараев, Н. Балдано, Ц. Галсанов, А. Шадаев⁵. Уже к весне 1941 г. был подготовлен еще не обработанный свод материалов «Гэсэра», состоявший из 115 тысяч стихотворных строк.

6 мая 1941 г. вышло постановление Совнаркома СССР, подписанное И. Сталиным, о проведении в ноябре 1942 г. юбилея эпоса «Гэсэр», но в это время уже шла Великая Отечественная война. Часть писателей и научных сотрудников ГИЯЛИ были мобилизованы на фронт, остальные перестра-

ивали направление своей деятельности военными задачами. Однако работа по сбору и изучению версий эпоса не прекращалась, наоборот, ей придавалось особое значение. Составление сводного текста «Гэсэра» было поручено Намжилу Балдано, одному из основоположников бурятской советской литературы и национального театрального искусства. Его пьесой «Прорыв» в 1932 г. был открыт Бурятский драматический театр (ныне академический). На либретто Н. Балдано в 1940 г. были созданы первая национальная опера «Энхэ-Булат Батор» (муз. М. Фролова) и позже (в 1959 г.) – первый бурятский балет «Красавица Ангара» (муз. А. Книппера и Б. Ямпилова). Несмотря на молодость (ему было всего 32 года), Н. Балдано имел опыт поэтической обработки фольклорных произведений, среди которых были такие жемчужины народного творчества, как улигер «Хараастай-мэргэн».

Работа над «Гэсэром» требовала максимальной отдачи. Кроме того, ряд наиболее полных сказительских вариантов Гэсэриады, например, П. Петрова, П. Тушемилова, не был еще к тому времени введен в научный оборот. Поэтому Н. Балдано приходилось самому «открывать» первоисточники, работать в архивах, где хранились записи улигерных текстов, знакомиться лично со сказителями-улигершинами, прикасаясь к тогда еще не угаснувшей живой традиции исполнения старинных улигеров.

Однако какой бы феноменальной памятью не обладали сказители, за века накапливались «разночтения» и «разнопения». Перед составителем сводного текста стояла сложнейшая задача по сведению воедино различных устных вариантов сказания о Гэсэре для того, чтобы осуществить его издание на языке, понятном для всех бурят. И здесь очень важным было то, что Н. Бал-

⁵ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ), ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 25.

дано сам был актером, режиссером и драматургом, человеком театра, где во многом вырабатывались и устанавливались языковые нормы.

В 1943 г. поэту М. Тарловскому был поручен перевод эпоса на русский язык. Н. Балдано и М. Тарловский подготовили записку для Бурят-Монгольского обкома партии, в которой были изложены сюжет и фабула эпоса, что позволяло оценить эпос о Гэсэре как произведение высокохудожественное и истинно народное. Записка была передана в ЦК ВКП(б) секретарем обкома Б. Санжиевым, который позже пострадал из-за своей заинтересованности в публикации эпоса. А тогда известные писатели, поэты и ученые широко пропагандировали эпос, сравнивая бойцов Красной Армии с Гэсэром. В июле 1944 г. состоялась конференция писателей и улигершинов Бурят-Монгольской АССР с участием представителей Москвы, Иркутска, Читы, на которой с докладом «Об издании бурят-монгольского эпоса «Гэсэр» выступил М. Шулукин⁶.

В 1946 г. Н. Балдано представил сводный текст в 25 тысяч стихотворных строк, в котором были использованы материалы большинства известных и записанных к тому времени вариантов эпоса. Но именно в это время советская внутренняя политика сделала резкий поворот, характеризовавшийся сменой ориентиров национальной политики. Новая программа национально-культурного строительства подразумевала изъятие и уничтожение целых пластов традиционной этнической культуры – тех, что были объявлены представителями официальной идеологии «феодално-религиозными пережитками» и «образчиками культуры эксплуататорских классов».

Типичным явлением конца 1940-х гг. в стране стали так называемые «проработочные» кампании в научных, вузовских и творческих коллективах, создававшие нервную обстановку. Еще в 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором резко критиковались «ошибки националистического характера», «приукрашивание Золотой Орды в ханско-феодалном эпосе о Едигее»⁷. А уже после войны начались открытые нападки на такие шедевры фольклора, как среднеазиатский «Алпамыс», каракалпакский «Кырккыз», огузский «Китаб-и дэдэм Коркут», немного позже на киргизский «Манас» и многие другие произведения устного народного творчества. Гонениям подверглись и представители культурной элиты, являвшиеся главными носителями и «производителями» пережитков.

Идеологические кампании, постоянный поиск врагов и их разоблачения поддерживали в обществе атмосферу страха. Показательной можно считать дискуссию, развернувшуюся среди творческой интеллигенции и партийного руководства республики по поводу бурятского эпоса «Гэсэр», начало которой было положено Бурят-Монгольским обкомом ВКП (б) в 1948 г. На совещании по вопросу о Гэсэриаде, состоявшемся в мае того же года, заведующий сектором литературы и фольклора Научно-исследовательского института культуры и экономики (НИИКЭ) М. Хамаганов отмечал, что изучение и пропаганда «Гэсэра» – дело рук «буржуазных националистов», сам эпос характеризовался как «военно-феодалный, нойонатско-

⁶ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 48.

⁷ О партийной и советской печати: сб. док. – М., 1954. – С. 326–329.

аристократический», а придание ему статуса народного эпоса проводится «с целью усиления борьбы против советского народа». «Идеализация дореволюционного прошлого, отождествление дореволюционного и советского патриотизма, представление о бурятском народе как о едином и неделимом на классы в феодальную эпоху, – говорилось в докладе, – это орудие борьбы в антинародных целях. Гэсэра отличают... сильные антирусские настроения, основная идея «Гэсэра» – воспитание трудящихся масс в духе добровольного подчинения ханам и феодалам»⁸. Хотя буквально несколькими месяцами ранее он же писал о бурятском фольклоре следующее: «Из поколения в поколение создавалась богатая по социальному содержанию и красочная по своему узору устная народная поэзия, улигеры и сказки. Фольклор составляет органическую часть бурят-монгольской советской литературы»⁹.

В период подготовки к совещанию по «Гэсэру» с отдельными энтузиастами была проведена «работа», в результате которой они были вынуждены признать «эпос неоригинальным, а образ Гэсэра – лишенным благородства». 20–21 мая 1948 г. состоялось совещание, на котором присутствовали члены бюро ОК ВКП (б), ответственные работники обкома партии, Совета Министров БМАССР, сотрудники НИИКЭ, педагогического института, писатели, представители прессы. Мнение партии представлял первый секретарь обкома партии А. Кудрявцев. Его участие практически исключало возможность свободного обсуж-

дения проблем, а реплики и выступление воспринимались как руководящие указания. В заключительном слове А. Кудрявцев, сославшись на мнение всех выступивших, подвел итоги совещания, объявив «Гэсэр» «феодално-ханским эпосом, якобы никогда не бытовавшим в бурятском народе, а научных работников, занимавшихся его изучением и популяризацией, – буржуазными националистами или слепым орудием националистов»¹⁰.

24 мая 1948 г. по итогам совещания было проведено партийное собрание Союза писателей БМАССР, оценившее как политическую ошибку работу Н. Балдано, А. Уланова, Ц. Галсанова, А. Шадаева, «не уяснивших ранее истинные социальные корни эпоса». Отдельно было указано на «политическую беспечность» Н. Балдано, длительное время работавшего над сводным текстом эпоса.

А в начале 1949 г. началась кампания против «безродных космополитов», которая повлекла за собой разрушительное вмешательство в судьбы ряда ученых, работников литературы и искусства. Что касается эпоса, то на пленуме Союза писателей республики в феврале 1949 г. в докладе председателя правления Ц. Галсанова «Гэсэру» была дана следующая оценка: «Эпос «Гэсэр» никогда не являлся самобытным бурят-монгольским эпосом. Он происходит из тибетско-монгольской версии и некоторых позднейших наслоений, продиктованных сначала ламами, а затем шаманами, во всех случаях кулацко-нойонатской знатю в угоду эксплуататорским классам... Смысл «Гэсэра» – отрицание внутренних противоречий, классовой борьбы, установка только на борьбу против внешних сил... Полити-

⁸ НАРБ, ф. 1, оп. 1, л. 4764, л. 39.

⁹ Хамаганов М.Н. Бурят-монгольская советская литература: К вопросу о роли великой русской литературы в формировании и развитии бурят-монгольской советской литературы. – Иркутск: Ирк. обл. гос. изд-во, 1951. – С. 83.

¹⁰ Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – С. 241.

ческая подоплека эпоса – ориентация на империалистический Восток, отрицание значения материальной и духовной культуры русского народа, антирусская направленность, обозначенная борьбой Гэсэра – небесного посланца против социального зла – мангатхаев»¹¹.

ЦК ВКП(б) так и не высказал своего отношения к тому, что эпос «Гэсэр» стал объектом политических манипуляций. По крайней мере, каких-либо документов обнаружить не удалось. В этом контексте любопытно мнение бурятского писателя В. Митыпова, высказанное им по поводу борьбы республиканской партийной элиты против «Гэсэра». Отрицание ею всенародной значимости эпоса он связывает с «излишним рвением местной партийно-чиновничьей верхушки, стремившейся высказать перед Москвой свою недремлющую «марксистскость», а также с «междоусобной грызней местной же ученой братии, снедаемой сугубо личными амбициями»¹². По моему глубокому убеждению, гонения на эпос и его создателей – далеко не местная инициатива. Скорее, это была стратегическая общегосударственная линия, о чем свидетельствуют гонения на многие другие произведения устного народного творчества в других республиках. А на местах решались и местные проблемы.

В марте 1951 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)». Произошли изменения в республиканском руководстве – на смену первому секретарю обкома партии А. Кудрявцеву пришел А. Хахалов. Как отмечает А.А. Елаев, «первые после 1937 г. изменилась этническая

принадлежность главы обкома партии республики, что оказало определенное влияние на развитие общественных и этнокультурных процессов в Бурятии. В частности, смена руководства республики повлияла на судьбу бурятского эпоса «Гэсэр»: уже в апреле 1951 г. по просьбе обкома партии и по указанию ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение вопроса о его характере в Институте востоковедения АН СССР, а затем на объединенной научной сессии Института востоковедения и Бурят-Монгольского НИИКЭ в г. Улан-Удэ»¹³. В результате «был признан его народный характер и опровергнута оценка как феодально-ханского произведения. Эпос «Гэсэр» был признан культурным наследием бурятского народа»¹⁴.

Реабилитация «Гэсэра», как и предшествовавшая ей попытка его идеологической дискредитации, скорее, свидетельствовали о новом резком повороте генеральной линии. И кадровые перемены в тот период происходили в русле этого поворота. Хотя, как утверждает П.К. Варнавский, «победу Хахалова в его противостоянии с Кудрявцевым логичнее было бы объяснять в контексте борьбы между различными группировками советской партийно-государственной элиты, а не как смену политического курса в отношении этнонациональных территорий»¹⁵.

Сводный текст эпоса «Гэсэр» стал знаковым явлением для бурятской интеллигенции, на нем воспитывалось не одно новое поколение. Впервые он был издан в 1959 г.

¹³ Елаев А.А. Бурятский народ... – С. 242.

¹⁴ Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – С. 447.

¹⁵ Скрынникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 71.

¹¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4764, л. 31.

¹² Митыпов В.Г. Месопотамская одиссея бурят // Угай зам. – № 4. – 2002. – С. 4.

на бурятском языке. Подстрочный перевод сводного текста эпоса был выполнен крупным специалистом по фольклору монгольских народов, одним из основателей фольклористической науки в Бурятии А. Улановым. Далеко не в полном виде «Гэсэр» был опубликован на русском языке в Москве, в издательстве «Художественная литература» в 1968 и 1973 гг. Перевод был осуществлен признанным мастером переводов эпических текстов С. Липкиным. Все девять «ветвей», пролог и эпилог эпоса, завершённые Н. Балдано в начале 1980-х гг., были также переведены С. Липкиным на русский язык. Однако полный текст литературного свода тогда так и не был издан, как не был издан и первый перевод эпоса, выполненный М. Тарловским в 1940-х гг. Полный художественный перевод, осуществлённый поэтом В. Солоухиным, был издан в двух томах большим тиражом в 1986 г. в Улан-Удэ и в 1988 г. в Москве. Вокруг авторства переводов в советские годы шла настоящая борьба, и это был вопрос не литературный, а политический. По крайней мере, так он воспринимался и так решался.

В официальном дискурсе национально-культурного и национально-государственного строительства активно конструировалась новая «национальная по форме, социалистическая по содержанию» культура, что достигалось, по словам Т. Мартина, также «посредством агрессивного стимулирования символических маркеров национальной идентичности: национального фольклора, музеев, одежды, еды, костюмов, оперы, поэзии, культа прогрессивных исторических событий и классических произведений литературы»¹⁶. Он справедливо

полагает, что в СССР был осуществлён первый в истории эксперимент политики положительного действия, т. е. политики спонсирования этнических меньшинств, поощрения этнонационализма за исключением национализма «господствующей нации»... Такая политика получила довольно точное название политики национализации – формирования социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой¹⁷.

С конца 1980-х гг. в Бурятии, как и в других национальных регионах России, бурно шли процессы национально-культурного возрождения. Обсуждались проблемы родного языка, культуры, создавались новые версии национальной истории. Дискуссии о сохранении, возрождении, развитии национальной культуры органично переходили в обсуждение вопросов государственности, характера власти. Иными словами, вновь формировался «проект», проект нациестроительства. Резко возросла роль бурятского эпоса «Гэсэр» в конструировании общепурятского социокультурного пространства. В 1991–1995 гг. праздновалось 1000-летие эпоса. Во всех районах этнической Бурятии был проведён ритуал водружения знамени Гэсэра, проведены многочисленные фестивали, конкурсы гэсэристов. Актуализированный мир эпоса со всеми его ритуальными коллективными действиями, обрядами, обычаями, объединяющими род, племя, коллектив, рождал у

Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space. – 2002. – № 2. – С. 71.

¹⁷ Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – P. 69.

¹⁶ Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. Theory and History of

каждого представителя этноса ощущение единства и сплоченности, а это, безусловно, сказывалось на процессе консолидации бурятского народа.

В 2007 г. к 100-летию Н. Балдано литературный свод «Гэсэра» в переводе С. Липкина был опубликован на двух языках – бурятском и русском. А в 2009 г. «Гэсэр» был издан в переводе В. Солоухина в трехтомнике «Эпосы» с предисловием С. Михалкова.

Таким образом, донесенный и сохраненный колоссальный памятник устного народного творчества продолжает по-прежнему участвовать в активной национально-культурной и духовно-исторической жизни этноса. Драматическая история создания его литературной версии демонстрирует огромную (и вполне осознаваемую) роль культурной традиции, исторического мифа в деле нациестроительства, в выборе и реализации его проектов.

Литература

Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – 293 с.

Дугаров Б.С. Бурятская Гэсэриада – песнь во времени и пространстве. Вступ. статья к «Абай Гэсэр Богдо хан». – Агинское, 2007. – С. 5–11.

Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio. Theory and History of Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space*. – 2002. – № 2. – С. 55–87.

Митышов В.Г. Месопотамская одиссея бурят // Угай зам. – № 4. – 2002. – С. 4–5.

О партийной и советской печати: сб. док. – М., 1954. – 431 с.

Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 612 с.

Скрынникова Т.А., Батомунуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 216 с.

Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. – Л.: Госполитиздат, 1939. – 296 с.

Хамаганов М.Н. Бурят-монгольская советская литература: К вопросу о роли великой русской литературы в формировании и развитии бурят-монгольской советской литературы. – Иркутск: Ирк. обл. гос. изд-во, 1951. – 132 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – 528 p.